Екатерина Кислова

«Блажен ты, град Осташков славный...»: провинциальный город последней четверти XVIII в. и его жители

Кислова Екатерина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Школа филологических наук Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
ekislova@hse.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу произведения «Блажен ты, град Осташков славный...», обнаруженного в рукописном сборнике песен второй половины XVIII в. из собрания Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ, Ф. 199. Д. 689. Л. 40 об. — 41 об.). Это произведение, прославляющее провинциальный город Осташков Тверской губернии, рассматривается как ценный источник для понимания культуры русской провинции эпохи Екатерины II. В статье анализируется исторический контекст создания стихотворения, его связь с обретением Осташковом статуса города и формированием «эмоционального сообщества» горожан. Основным объектом восхваления становятся не столько достопримечательности (озеро Селигер, его острова, обилие рыбы, Нило-Столбенская пустынь), сколько нравственные качества его жителей и церковная культура города. Текст песни отражает и какие-то исторические реалии, важные для этого периода, и формирующиеся элементы «городской идентичности» осташей, которые могут быть прослежены в краеведческой литературе XIX в., поэтому его можно считать ранним примером отражения в художественной литературе самосознания русского провинциального жителя. Ряд

особенностей текста позволяет предположить, что его автором мог быть представитель духовенства Осташкова, скорее всего, Семен (Симеон) Верещагин — протоиерей Троицкого собора Осташкова, до 1762 г. бывший учителем поэзии Тверской семинарии. Сопоставление с его сохранившимися проповедями показывает новые грани провинциальной культуры конца XVIII в.

Ключевые слова: история эмоций, русская провинция, XVIII в., стихотворение, духовенство, Осташков, Тверская семинария, Семен Верещагин.

"Blessed are you, a glorious Town Ostashkov...": an XVIII Century Provincial Town and its Habitants

Kislova Ekaterina Igorevna, PhD (Philology), Associate Professor School of Philology, Department of Humanities, National Research University Higher School of Economics (HSE University)
ekislova@hse.ru

Abstract: The article is dedicated to the analysis of the work "Blessed are you, the glorious town of Ostashkov...", found in a manuscript collection of songs from the second half of the 18th century (Manuscript Department of the Russian State Library, RSL, F. 199. D. 689. L. 40 ob. — 41 ob.). This piece, which glorifies the provincial town Ostashkov in Tver Province, is considered a valuable source for understanding the culture of Russian provinces during the era of Catherine II. The article examines the historical context of the poem's creation, its connection to Ostashkov's acquisition of town status, and the formation of an "emotional community" among its citizens. The main focus of praise is not on landmarks (like Lake Seliger, its islands, the abundance of fish, or the Nilovo-Stolbensky Monastery) but rather on the moral qualities of its inhabitants and the town church culture. The text reflects certain historical realities significant to this period and emerging elements of

"urban identity" among Ostashkov residents, which can be traced in local history literature from the 19th century. Therefore, it can be regarded as an early example of how artistic literature reflects the self-awareness of a Russian provincial resident. Several features of the text suggest that its author may have been a member of Ostashkov's clergy, likely Semyon (Simeon) Vereshchagin, the archpriest of the Trinity Cathedral in Ostashkov, who until 1762 was a Poetry's teacher at Tver Seminary. A comparison with his sermons reveals new facets of provincial culture at the end of the 18th century.

Key words: history of emotions, Russian Province, XVIII century, poem, clergy, Ostashkov, Tver seminary, Semen Vereschagin.

Современный Осташков — небольшой город в Тверской области, расположенный на берегу озера Селигер, где проживает чуть меньше 17 тыс. человек. Осташков, однако, известен с XIV в., статус города он получил при Екатерине II. Наше исследование посвящено песне «Блажен ты, град Осташков славный...», которая сохранилась в составе «Сборника произведений для хора (для одного голоса — бас)»[1]. Сборник на 46 листах написан одним почерком (скорописью) на бумаге ярославской мануфактуры, датированной по водяным знакам либо 1764-1765, либо 1771-1787 гг. На Л. 45 об. написано имя «Нил Красильников», но каких-то более подробных владельческих записей в тексте нет.

В сборнике записаны 33 песни разного характера (32 с нотами — нотация пятилинейная квадратная), которые можно условно разделить на 4 группы: песни духовного содержания (среди них — переложения псалмов и фрагмент «Утреннего размышления о Божьем величестве» М. В. Ломоносова); любовные песни (в том числе некоторые песни А. П. Сумарокова, опубликованные в «Собрании российских песен» М. Д. Чулкова[2]); комплекс приветственных песен и кантов, связанных с посещением императорскими особами Твери, Москвы и Троице-Сергиевой лавры, а также примыкающий к ним тематически фрагмент «Оды... на восшествие Екатерины Алексеевны на престол» 1762 г. М. В. Ломоносова. Четвертой группой можно считать 3 произведения, прославляющие «локусы»: города (Москву и Осташков) и Россию («Стихи похвальные России» В. К. Тредиаковского в силлабической редакции 1728 г.).

1 Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее ОР РГБ). Ф. 199. Д. 689. Л. 40 об. — 41 об.

2 Сборник песен М. Д. Чулкова выходил под заглавиями «Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовныя, пастушеския, шутливыя, простонародныя, хоральныя, свадебныя, святочныя, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий» (Ч. 1-6. М., 1780-1781) и «Собрание разных песен» (СПб., 1770-1774; М., 1783; М., 1787-1788).

Был ли у сборника протограф, или он был собран переписчиком, сказать нельзя. Некоторые тексты могли иметь печатный источник; например, 7 песен находят параллели в «Собрании...» Чулкова, однако они имеют разночтения, поэтому нельзя сказать, были ли они выписаны из печатного издания или имели общий с изданием рукописный протограф[3]. Произведения М. В. Ломоносова скопированы с небольшими расхождениями по I тому «Собрания сочинений» 1751 г.[4], но в рукописных сборниках XVIII в. они тоже регулярно встречаются[5]. Канты находят параллели в других рукописных сборниках, например «Радость любезна бывает слезна» — в сборнике кантов 153 (4223) из собрания рукописей Тверского музея[6]. Подробный анализ самого сборника не входит в задачи настоящей публикации, но нельзя не отметить тематический и временной разброс произведений, которые одновременно оказываются актуальны для анонимного составителя второй половины XVIII в. и в целом для провинциальной культуры России этого периода. При этом примечательно, что упоминаемые локусы сконцентрированы вокруг Твери.

Песня, посвященная прославлению провинциального города, завершающая сборник подобного рода[7], вызывает определенный

3 О рукописных источниках Чулкова см.: Сельванюк Р. К вопросу о рукописных источниках «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова // Ученые записки Костромского государственного педагогического института им. Н. А. Некрасова. Вып. 7. Кострома, 1960. С. 316-347.

4 Об изданиях Ломоносова в XVIII в. см.: Тюличев Д. В. Прижизненные издания литературных произведений и некоторых научных трудов М. В. Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. Л.: Наука, 1983. Сб. VII. С. 49-75.

5 См.: М. В. Ломоносов в книжной культуре России/сост. М. Е. Ермакова. М.: Пашков дом, 2010. С. 89-91; Кислова Е. И. «Молчите, каменные звуки»: оды Ломоносова в рукописных копиях второй половины XVIII века // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2013. Вып. 7. С. 114-136.

6 Сперанский М. Н. Описание рукописей Тверского музея. М.: Университетская типография, 1891. С. 230-235.

7 Это последняя в сборнике песня с нотами, следующий текст записан без нот и, возможно, позже, чем основной комплекс текстов.

интерес. Панегирические фрагменты, посвященные месту (городу или монастырю) (здесь и далее курсив мой. — Прим. авт.), характерны для кантов и панегирических од, однако в них город является только сценой, декорацией для подлинного объекта прославления — важного лица, посещающего это место[8]. Поэтому появление в сборниках не публиковавшихся кантов, связанных с посещением императорскими особами Троице-Сергиевой лавры или Твери, строго говоря, не может служить их локализации, они показывают скорее общий интерес к панегирической традиции и перемещение рукописных копий между локациями. Подобные канты были предназначены для пения, однако переписывались в первую очередь как образцы для создания аналогичных произведений, посвященных другим высокостатусным гостям. По таким же образцам пишутся приветственные канты архиепископу или ректору семинарии (см., например, кант «Яви град Тферь лице красно» на основание Тверской семинарии, сохранившийся в том же сборнике 153 (4223) из собрания Тверского музея[9]).

Другие группы песен из нашего сборника не являются окказиональными произведениями, они могут исполняться регулярно, и именно к ним относится песня, прославляющая Осташков. Поэтому «Блажен ты, град Осташков славный...» явно выделяется на фоне традиции «прославления мест» и, как кажется, однозначно определяет локальную принадлежность составителя и, вероятно, место создания сборника.

Приводим текст в современной графике и с современной пунктуацией:

Блажен ты, град Осташков славный,
Твой Селегер от век преславный,
Разлив велик, ершей довольно
И всех рыб полно, и всех рыб полно.

8 См. Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века. Миф — идеология — риторика. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 125.

9 Опубликован в: Колосов В. Празднование 150-летнего юбилея Тверской духовной семинарии 16 февраля 1889 года. Тверь, 1889. С. 42-43.

Краса твоя — острови мнози,
В которых путь святаго нозе
Нам кажут всем к горам небесным,
Во век чудесным, во век чудесным.

Обитель тут ангела мира —
Скорбящим всем целебна лира.
Пречуден храм Нила святаго —
врача драгаго, врача драгаго.

Той, зря во всех дело отверзто,
При струих вод освятил место,
Спасая тя, ограде качеств.
Нет уж дурачеств, нет уж дурачеств.

В тебе народ благоразумен,
Учтив и прав, во всем разсуден.
Качество их весьма обрядно,
Дело изрядно, дело изрядно.

Чудных фигур резбой прекрасен
В утробе храма хор громогласен.
Поют творцу — его кивоту —
Партес и ноту, партес и ноту.

Всевышни лик те знаменуют,
Творца небес изобразуют.
Искусна их трудов икона.
О дети трона! О дети трона!

Живите все в век безмятежны,
В науках сих, в делах прилежны.
Готовьте град, где радость вечна,
Жизнь бесконечна, жизнь бесконечна[10].

10 ОР РГБ. Ф. 199. Д. 689. Л. 40 об. — 41 об.

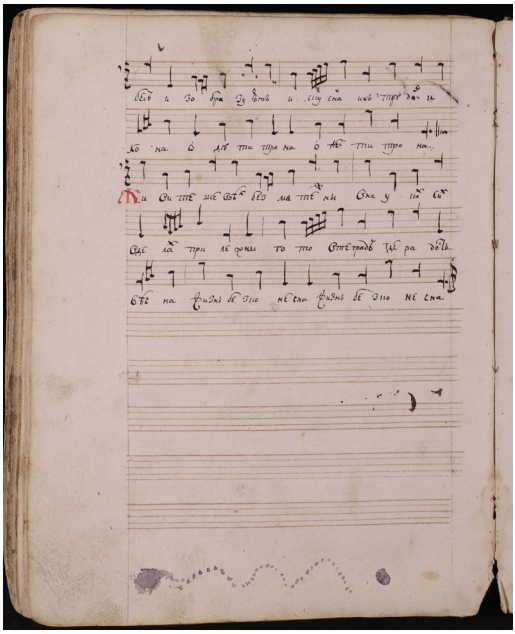
«Блажен ты, град Осташков славный...» (ОР РГБ. Ф. 199. Д. 689. Л. 40 об. – 41 об.).

Можно предположить, что автором этого произведения мог быть житель или уроженец города Осташкова: в пользу этого свидетельствует не только хорошее знание местных «достопримечательностей», но и многократно озвученная гордость жителями города, похвала их человеческих качеств. Кто, когда и зачем мог написать такое произведение?

Время создания

Очевидно, что эта песня могла быть написана только после 28 мая 1770 г., когда Осташков получил статус города, но скорее даже после 2 апреля 1772 г.[11], когда жители Осташкова получили статус мещан, а сам город обрел герб: «Осташкова слобода, жители сей слободы, между прочих промыслов, имеют свое про

11 Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Т. 19 (1770–1774). СПб., 1830. С. 469-471.

питание от изобильной рыбной ловли тут близ лежащего озера, что тако в гербе изображено: Щит разрезанной на двое горизонтальною чертою, золото с голубым, в золотом поле виден рождающийся до половины Императорский двуглавый орел с червлеными языками, увенчан тремя коронами золотыми ж, означающей милость и покровительство Ея Императорскаго Величества, в голубом поле показующим воду, три рыбы серебряныя плывущия с лева на право, изъясняющия рыболовной промысл и обильство рыб»[12]. Тема изобилия рыб в озере не случайно начинает песню: важность рыболовного промысла для города была продекларирована на уровне государственных указов и стала его важнейшим признаком, символически изображенным на гербе[13]. Упоминание

12 Там же. С. 471.

13 Осташковские рыболовы ловили рыбу не только в Селигере, но и в Ильмене и даже в Финском заливе (см.: Успенский В. П. Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии, как результат посильной разработки накопившегося за долгое время запаса сведений, большею

ершей как наиболее значимой рыбы находит подтверждение в региональной мифологии: «Считалось, что на гербе изображены три ерша, поэтому осташей часто называли “ершеедами”»[14].

Сама идея прославления Осташкова в статусе города должна была быть связана с обретением этого статуса; она могла быть обусловлена церемониальными или эмоциональными причинами.

Для «церемонии открытия» в Осташков приезжал губернатор Я. Е. Сиверс, по чьей инициативе Осташков вошел в число новых городов империи. Он пробыл в городе с 23 до 27 июля 1772 г. Однако в перечне событий «открытия» не упоминается светское или церковное празднество, на котором такая песня могла бы быть спета[15]. Перечислим кратко основные мероприятия этого периода:

23 июля: Сиверс рассмотрел Высочайше утвержденный план города, назначил городовую межу и кварталы.

24 июля: «по окончании литургии в Осташковском [Троицком] соборе был совершен крестный ход вокруг новооткрываемого города (с северной, восточной и западной стороны водою, а с южной — по новопроведенной городовой меже»)[16].

25 июля: жители записываются в мещане или купцы и приводятся к присяге.

26 июля: выбор городского головы и судей.

27 июля: открыты воеводская канцелярия и магистрат. Вечером Сиверс уехал в Новгород.

частью из письменных документов разных местных архивов и малой частью по предмету местной истории: О прошлом города Осташкова Тверской губернии: Чит. в заседании Твер. учен. арх. комис., 15 апр. 1893 г. Тверь, 1893. С. 32).

14 Осташков. Путеводитель/сост. Н. М. Бодрова. 2017. URL: https://sites.google.com/view/osths/documents/books/travel-guide?authuser=0 (дата обращения: 07.03.2025).

15 Токмаков И. Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. Сборник историко-статистических и археологических сведений. С 161 рисунками. М.: Городская типография, 1906. С. 44-45.

16 Там же. С. 45.

Можно предположить, что какое-то частное празднество просто не попало в официальные документы. Однако, как кажется, в подобных ситуациях содержание поэтических приветствий было направлено на прославление высокого лица, посещающего город, но не на прославление самого города без упоминаний присутствующего высокого лица. Поэтому нам кажется более вероятным отсутствие связи этой песни с приездом Я. Е. Сиверса и церемониями «открытия города».

«Эмоциональная» причина создания песни представляется нам, несмотря на сложность ее определения, более достоверной. Появление подобного текста могло быть обусловлено изменяющимся самосознанием новых горожан: гордостью, связанной с повышением статуса «слободы», и представлением о себе как о жителях особого — нового — пространства. У нас крайне мало источников, которые могли бы свидетельствовать о том, как менялось самосознание жителей населенных пунктов, получивших в результате реформы статус городов; как вообще воспринималось подобное изменение статуса и какие эмоции оно вызывало. Иными словами — как формировались и менялись эмоциональные сообщества (в терминологии Б. Розенвейн) провинциальных городов XVIII в.? Однако несомненно, что все изменения, которые происходили с населенным пунктом в результате превращения его в город, должны были переживаться на уровне эмоций и получать не только формально-юридическое, но и символическое осмысление. Сами церемонии «открытия города», включающие демонстративное и торжественное межевание и крестные ходы, планы новых кварталов, прочерченных по старому городскому плану[17], явным образом показывают «перерождение места»; но такое же перерождение должно было происходить и с его жителями, которые обретали новые статусы, записывались в новые сословия, приносили присягу и выбирали новых должностных лиц.

17 См. Полное собрание законов Российской Империи. Книга чертежей и рисунков (планы городов). СПб., 1839. С. 348.

Если наше предположение верно, то мы можем говорить на примере этой песни о редком образце вербализации эмоций, связанных с изменением статуса населенного пункта, о формировании эмоционального городского сообщества и декларации определенных принципов, задающих должное для новых горожан поведение. Как кажется, неслучайно основное пространство текста занимает не описание достопримечательностей города в современном смысле слова, а прославление качеств людей, которые его населяют: эти качества декларируются как уже существующие, но мы понимаем, что такое описание становится и моделирующим.

Образность и рецепция

Для поэзии XVIII в. обращение к качествам жителей для похвалы города кажется нетривиальным, хотя оно допускается риторической теорией похвалы. Ф. Прокопович в VIII книге «Риторики» подробно описывает схему, по которой следует строить похвалу городу: «...во-первых, происхождение, причем следует отыскать создателя или основателя... Во-вторых, древность, в-третьих, изобилие или богатство. В-четвертых, местоположение..., в-пятых, сам внешний вид города: величина, множество зданий, красота, украшение, удобное расположение, общественные сооружения... В-шестых, жители — храбрые люди, богатые, мудрые, много выдающихся художников. В-седьмых, способ управления, должностные лица, кто и какого характера, законы, награды, наказания. В-восьмых, множество образцов доблести, великая слава подвигов, победы, торжества и т. д. В-девятых, также печальные происшествия...»[18]. Как указывает Р. Николози, подобный набор локусов для похвалы городу был представлен и в других популярных в России поэтиках и риториках[19], поэто-

18 Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг/отв. ред. С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 392-393.

19 Николози Р. Указ. соч. С. 137.

му частичное совпадение с отмеченными в нашем произведении топосами кажется вполне ожидаемым. Сравним с порядком изложения достоинств Осташкова в нашем произведении: Селигер; рыбное богатство; изобилие островов; святой Нил Сорский, его храм и слава целителя; основание им монастыря (оно переносится и на город); жители города; хор в храме; благословение горожан.

Однако автор этой песни не использует предложенные Прокоповичем качества горожан (храбрость, богатство, мудрость, а также наличие в городе «выдающихся художников»). Он декларирует благоразумие, учтивость, правоту, «разсудность» и затем желает им жить далее безмятежно и прилежно в делах и науках, и таким образом горожане смогут заслужить небесный город (вечную радость и бесконечную жизнь).

Отдельно отметим строчку «Качество их весьма обрядно»: согласно «Словарю русского языка XVIII века», обрядный может иметь значение «относящийся к обряду, соответствующий обряду», а также совпадать с обрядливый — «соблюдающий обряды, действующий в соответствии с традициями, обычаями»[20]. В обоих случаях, как кажется, автор имеет в виду умение жителей города вести себя в соответствии с традициями, обрядами. Образ горожанина, изображенный в этой песне, полностью соответствует ожиданиям екатерининской эпохи от подданных: «...любовь к Отечеству», «почтение к установленным гражданским законам», «трудолюбие», «учтивость», «отвращение от всяких предерзостей», «склонность к опрятности и чистоте»[21].

Сравним с картиной, которую рисует наш автор. Само слово «качество» в сравнительно небольшом тексте повторяется дважды: «Спасая тя, ограде качеств» и «Качество их весьма обрядно». Это слово выбивается из панегирического контекста своей отне-

20 Словарь русского языка XVIII века. Вып. 16. Обломить — Онца. СПб.: Наука, 2006. С. 85.

21 Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 372.

сенностью к «ученому» (и даже у́же — семинарскому) дискурсу: качество и количество — два важнейших понятия для риторического искусства и для схоластической философии и богословия. Например, в «Риторике» Феофана Прокоповича понятие качества используется в разных родах красноречия («стадия определения качества» в судебном красноречии[22]; качества человека как причина преступления[23]; полезные и вредные качества лиц и предметов[24]; телесные и душевные качества как основа похвалы лицам[25]; и даже качества Бога в разделе «О показательном виде [речей] и прежде всего о том, что следует говорить на праздниках Господних»[26]). Обращение к Осташкову как к «ограде качеств» подразумевает, что качества здесь исключительно положительные; сам город как ограда сохраняет внутри именно их, отсекая «дурачества», бывшие прежде, то есть до получения Осташковом статуса города (ср. с отвращением от «предерзостей» выше). «Дурачество» здесь явно имеет то же значение, которое мы видим в почти современном песне «Словаре Академии Российской»: «1) Поступок безрассудный, глупость; 2) Сумасбродство, лишение ума»[27]. И семантика безрассудства «дурачества», которого теперь нет, уже в следующем куплете противопоставляется «разсудности», то есть рассудительности новых горожан Осташкова.

Однако идея «города как ограды» может быть подкреплена исторически: уже в 1770 г. старые городские валы были срыты как ненужные, что стало началом и зримых, и символических преобразований Осташкова из слободы в «регулярный» город новой, екатерининской культуры. Такая системная реорганизация городского пространства была характерна не только для всей России в эпоху Екатерины II, но и для Европы: «...представление о закры-

22 Феофан Прокопович. Указ. соч. С. 379.
23 Феофан Прокопович. Указ. соч. С. 375.
24 Там же. С. 382.
25 Там же. С. 389.
26 Там же. С. 434-439 и далее.
27 Словарь Академии Российской. Часть 2. СПб., 1790. С. 800.

тости и статичности городского пространства стремительно уходило в прошлое. Города разрастались и перестали вмещаться в свои прежние границы. Изменились и функции городских стен и ворот: из оборонительных сооружений они превратились в таможенные барьеры»[28]. Однако нетривиальной кажется реакция жителей Осташкова: горожане собрали средства и в память о валах поставили в 1789 г. 3 часовни-обелиска, из которых до наших дней сохранилась одна — Вальский столп[29]. Возможно, текст песни как раз отражает эту ситуацию: замену старого пространства города, огражденного валами, новым, в котором сам статус города становится оградой, а другая физическая ограда оказывается ненужной.

Существенная часть песни посвящена «церковным» достопримечательностям города — храму и хору. Можем ли мы найти приметы конкретного храма в этом описании? В это время в Осташкове было уже несколько соборов и больших монастырских церквей. Смоленский собор был завершен в 1742 г.; внутри городской черты находился Вознесенский храм Знаменского женского монастыря (освящен в 1750 г. и украшен «новым резным вызолоченным иконостасом, с новыми искусного писания иконами»[30]). Активное каменное церковное строительство в городе и монастырях, шедшее в это время, тоже может быть связано с получением Осташковом нового статуса: новый город украшался новыми каменными строениями. В 1777 г. была заложена каменная церковь Иоанна Предтечи (окончена в 1781 г.), Преображенский собор — в 1762 г., а в 1789 г. была пристроена колокольня. Однако наиболее важным — центральным — городским храмом оставался каменный Троицкий собор, построенный в 1697 г.

«Резьба», о которой сообщает нам автор, как кажется, была общей приметой осташковских церквей: в XVIII-XIX вв. Осташ-

28 Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. С. 35.

29 Галашевич А. А. Художественные памятники Селигерского края. М.: Искусство, 1983. URL: http://www.rusarch.ru/galashevich2.htm (дата обращения: 07.03.2025).

30 Токмаков И. Ф. Указ. соч. С. 102.

ков был центром церковной «рези на дереве»[31], в нем работали выдающиеся мастера. Визуальное отличие осташковских церквей — наличие резных деревянных киотов, иконостасов и деревянных скульптур — могло быть предметом гордости горожан. Золоченые резные иконостасы были в церкви Иоанна Предтечи (окончена в 1781 г., «внутри с хорами, отменным иконостасом и стенным росписанием»[32]) и в Вознесенском соборе Знаменского монастыря (установлен в 1750 г.). В последней четверти XVIII в. Троицкий собор был отремонтирован и украшен резной лепниной: «В 1766 году обновлен новым строением олтарь храма Святыя Троицы, и близ онаго к северной стороне сделан придел Святыя Великомученицы Параскевы... Внутри храма Святый Олтарь украшен самою приличною лучшею живописью и штукатуром, в клеймах большею частию позлащенных, таковым же образом и вся церковь»[33]. Участие в украшении принимал Кондратий Семенович Конягин (создатель известнейшей деревянной скульптуры Нила Столбенского). Поэтому «чудных фигур резьба» могла быть отнесена почти к каждому значимому храму Осташкова и окрестных мест.

Может ли дать нам какую-то информацию церковный хор, знающий и партесное, и нотное пение? Он тоже является важной достопримечательностью города: его существование подтверждается краеведческими материалами XIX в.: «Уже в конце прошлого столетия, в 1781 году, в Осташкове был стройный

31 Рудченко В. М. Иконостасы XVIII — первой половины XIX в. в храмах верхневолжских областей // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки. М.: Наука, 1983. С. 199-211. URL: http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st010.shtml (дата обращения: 07.03.2025); Артюхова Н. Произведения церковных искусств в собрании Осташковского краеведческого музея. URL: https://seliger-news.ru/kultura/proizvedeniya-cerkovnyh-iskusstv-v-co/(дата обращения: 07.03.2025).

32 Прусавецкий Ф. Ф. Сборник описаний монастырей и церквей города Осташкова. Б/м., 1828 (РГБ, Ф. 310, Д. 1144, Л. 23).

33 Прусавецкий Ф. Ф. Указ. соч. Л. 51 об., 52.

хор певчих; впоследствии же хоры певчих организовывались при каждой из церквей г. Осташкова»[34]. Судя по всему, на начальном этапе существования города хор не был привязан к конкретному храму и мог петь там, где была необходимость особенно торжественной церковной службы. Важно, что 1781 г. является в данном случае датой наиболее ранней фиксации, но сам хор мог существовать и ранее.

Важность пения и музыки для жителей города в материалах XIX в. становится одной из отличительных, определяющих черт культуры новых осташковских горожан, эта тема регулярно возникает в краеведческих описаниях XIX в. Так, после 1805 г. любители музыки в Осташкове «составляли небольшие оркестры и играли небольшие пьесы в антрактах театральных представлений»[35]. Важность церковного пения для горожан краевед И. Ф. Токмаков отмечает даже в конце XIX в.: «Ни в одном из городов Тверской губернии не случалось нам видеть такой заботы граждан о внешнем благолепии храмов, о том, чтоб в каждой церкви был стройный хор певчих, чтобы церковная служба в праздничные и даже в непраздничные дни была величественна, а церковное пение стройное»[36]. Иронично любовь к осташковцев к музыке описывает И. Колышко[37]: в конце XIX в. в городском саду возле собора жители города — любители-музыканты и хор певчих — исполняют песни, в том числе сочиненный в середине XIX в. И. И. Лажечниковым гимн пожарной команды Осташкова: «Славься, город наш Осташков». Интересно, что, несмотря на общее изменение культуры, его основная тема — прославление достоинств жителей города, организовавших образцовую пожарную охрану. Процитируем интересующий нас начальный фрагмент этой песни:

34 [Покровский В.И.] Историко-статистическое описание города Осташкова. Тверь, 1880. С. 120.
35 Там же. С. 120.
36 Токмаков И. Ф. Указ. соч. С. 124.
37 Колышко И. Очерки современной России. СПб., 1887. С. 236-239.

Славься, город наш Осташков,
Славься, город наш родной,
Славься не своим богатством,
Не торговлею своей,
А любовью, крепким братством
Ты своей семьи детей.
От конца в конец России
Ты отмечен уж молвой:
Из уездных городов России
Ты слывешь передовой.
Славься, город наш Осташков,
Славься, город наш родной!
Лишь забьет тревогу
Колокола звон,
Помоляся Богу
Мы стремглав в огонь...[38]

Сравнение с песней Лажечникова и записями краеведов показывает, что песня конца XVIII в. уже содержит те элементы эмоциональной культуры жителей Осташкова, которые будут сохраняться как ее отличительные признаки на протяжении XIX в.: гордость городом и своим статусом горожан, благочестие, любовь к церковному пению и музицированию (но в середине XIX в. добавляется осознание своего города как «передового», отличающегося от других уездных городов особым развитием гражданского общества).

В какой мере песня конца XVIII в. отразила уже существующие акценты в эмоциональной культуре горожан, а в какой степени направила их формирование? К сожалению, пока у нас нет данных, чтобы ответить, насколько это произведение было известно горожанам. Однако можно рассмотреть, каков был общий уровень образования горожан Осташкова, способны ли они были

38 Покровский В. И. Указ. соч. С. 103-104.

воспринимать содержание сборника, включавшего произведения Сумарокова, Ломоносова, Тредиаковского.

Единственная «именная» запись («Нил Красильников») не дает возможности соотнести сборник с какой-то конкретной группой горожан, однако фамилия Красильниковых регулярно упоминается в краеведческих сочинениях об Осташкове, например, в материалах краеведа И. Ф. Токмакова эта известная купеческая семья упомянута 13 раз.

Об общем уровне образования жителей Осташкова информации больше. Уже в 1751-1758 гг. существовала школа для детей духовенства, возрожденная в 1772 г. Ее программа соответствовала первым 4 классам семинарии, после чего ученики могли продолжить обучение в Твери[39]. А. В. Матисон отмечает, что более 70% клириков Осташкова имели школьную подготовку[40], это выше, чем во многих других регионах. В 1775 г. в Осташкове была организована частная школа мещанина Сухорукова, имевшая около 100 учеников[41]; в 1777-1786 гг. существовало народное общественное училище, в 1787 г. преобразованное в малое народное училище.

Авторство

Из какой среды мог происходить автор этого произведения?

Как нам кажется, его стоит искать в среде духовенства. Общий пафос песни, как мы видим, подводит к идее посмертного вознаграждения жителей города в «граде небесном»; все содержание похвалы концентрируется на духовных богатствах; достоинствам храма и церковного хора посвящена центральная часть произведения, тогда как о «земных богатствах» говорится совсем немного. Автор, как кажется, воспринимал обретение Осташко-

39 Матисон А. В. Уровень «школьного» образования духовенства уездных городов России в XVIII в. (Ржев и Осташков) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской православной церкви. 2012. Вып. 3(46). С. 9.

40 Там же. С. 14.

41 Токмаков И. Ф. Указ. соч. С. 138.

вом статуса города как крайне важное событие не только в юридическом, но и в «духовном» плане.

Такое «богословское» выстраивание композиции заставляет думать о том, что автор был тесно связан с церковной культурой — и должен был иметь семинарское образование. Он обладал навыками версификации, имел некоторое представление о современной ему литературной традиции. В пользу «семинарской» гипотезы говорит и специфическая лексика, которую мы видим в этой песне. Кроме рассмотренного ранее слова «качество» обратим внимание на строку «Искусна их трудов икона. О дети трона! О дети трона![42]» Слово «икона» в XVIII в. употребляется исключительно в прямом значении[43], поэтому «икона трудов», возможно, на самом деле является калькой с латинского imago operum («образ действия»[44]) — этот оборот встречается, например, в латинских грамматиках при определении глаголов.

Как уже отмечалось, самым важным статусом в городе обладал Троицкий собор, соответственно, стоит рассмотреть клириков, связанных с ним.

Семейные связи клириков Троицкого собора — Суворовых — описаны в работе А. В. Матисона[45] и могут быть дополнены

42 Для выражения «дети трона» нам пока не удалось найти латинской формы; возможно, трон аналогичен здесь «Престолу [Божьему]», например, в «Вейсманновом лексиконе» для немецкого thron, латинского thronus и solium дан только эквивалент «престол» (Немецко-русский и латинский лексикон купно с первыми началами русского языка. СПб., 1731. С. 633). «Дети трона» могут в переносном смысле пониматься как праведники, стоящие вокруг Престола Божьего, что проецируется на церковный хор и подчеркивает его высочайший статус внутри храма.

43 Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб.: Наука, 1997. С. 74; Словарь Академии Российской. Часть 3. СПб., 1792. С. 286.

44 Оборот «образ действия» отмечен в Национальном корпусе русского языка только в проповеди Платона Левшина 1757 г.; само слово «образ» регулярно употребляется в значении «способ осуществления, проявления чего-либо» (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 16. СПб.: Наука, 2006. С. 56-57).

45 См.: Матисон А. В. Городское духовенство России XVIII в. С. 169-171.

благодаря порталу «Священнослужители Тверской епархии»[46]. Игнатий Петрович Суворов (1708-1762 гг.) с 1751 г. до 1762 г. был протоиереем Троицкого собора; до него протоиереем был его старший брат Петр Максимович Суворов (ум. в 1750 г.). Сын Игнатия Никита в 1762-1764 гг. был дьяконом Троицкого собора, однако его уровень образования, вероятно, не был достаточно высоким, чтобы занять место священника и протоиерея: он начинал свою духовную карьеру со статуса пономаря, что для человека, имевшего семинарское образование, было слишком низким. Второй сын Игнатия Петр умер в возрасте 16 лет; третий сын Прохор Игнатьевич (1750-1815 гг.) в это время учился в Тверской семинарии и затем в Англии[47]. Племянники Игнатия, дети его младшего брата Андрея, умершего в 1755 г., также были связаны с Троицким собором: Иван — с 1755 г. дьякон Троицкого собора, Никифор сначала был дьячком, затем дьяконом Троицкого собора в 1762-1764 гг.; Никита в 1762 г. стал священником Воскресенской церкви и с 1772 г. — учителем Осташковского духовного училища; Вавила с 1758 г. был пономарем, а с 1773 г. — дьячком Троицкой церкви Осташкова.

Несмотря на такое количество детей и племянников, после смерти Игнатия Суворова в 1762 г. протоиереем Троицкого собора стал Семен (Симеон) Иванович Верещагин (1735-1788 гг.)[48], муж дочери Игнатия Пелагеи. Семен Верещагин происходил из той же

46 URL: https://tvergedcom.ru/webtrees/index.php?ctype=gedcom&ged=tver (дата обращения: 07.03.2025).

47 Именно он впоследствии сделает наиболее блистательную карьеру: в 1765 г. он был отправлен из Тверской семинарии как лучший ученик для обучения в Англию и после возвращения в 1775 г. стал учителем в Морском кадетском корпусе, автором учебников по геометрии и тригонометрии и затем — ординарным профессором математики в Московском университете. См.: Андреев А. Ю. Суворов Прохор Игнатьевич // А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. Императорский Московский университет: 1755-1917: энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 703.

48 Успенский В. П. Указ. соч. С. 64.

Тверской губернии, но из Калязина: он родился в семье дьячка Никольской слободы Троицкого Калязина монастыря. Вся его семья была связана с Калязином: старший брат Михаил был дьячком, младший Иван учился в Тверской семинарии и затем в 1777 г. стал настоятелем Николаевского собора в Калязине и протоиереем[49]. Такие перемещения в рамках епархии не были редкостью, однако отметим, что причиной назначения Верещагина протоиереем в обход сыновей и племянников Игнатия Суворова могло быть лучшее образование, выход из более старших классов семинарии и учительский опыт: работы А. В. Матисона, посвященные духовенству Тверской епархии, показывают, что для второй половины века такое повышение уровня образования было характерным процессом[50].

Учеба и преподавание Верещагина в Тверской семинарии проходило в период руководства Митрофана Слотвинского (до 1752 г.), Вениамина Пуцек-Григоровича (1752-1758 гг.) и Афанасия Вольховского (1758-1763 гг.)[51]. В 1755 г. Верещагин был назначен учителем поэзии Тверской семинарии[52] и оставался им до 1762 г.[53] Он мог быть не только наиболее богословски образованным священником в Осташкове, но и человеком, хорошо знакомым с поэ-

49 Семен Верещагин сыновей не имел, поэтому следующим протоиереем Троицкого собора Осташкова стал муж его дочери Анны Андрей Николаевич Колоколов; вторая дочь вышла замуж за Дмитрия Федоровича Верещагина, который стал протоиереем в Успенском соборе Кашина. См.: Матисон А. В. Городское духовенство. С. 170-171. Обратим внимание, что, как пишет А. В. Матисон, «его ближайшими родственниками оказались 6 соборных протоиереев Тверской епархии» (Там же. С. 171).

50 См.: Матисон А. В. Православное духовенство русского города XVIII века. Генеалогия священно-церковнослужителей Твери. М.: Старая Басманная, 2009. С. 95-127.

51 Неизвестно, какие связи существовали между Семеном и Василием Ивановичем (в монашестве — Арсением) Верещагиным (1736–1799), который в 1761 г. был назначен учителем риторики в Тверской семинарии.

52 Успенский В. П. Указ. соч. С. 64.

53 В списке учителей Тверской семинарии В. Колосова его нет, но именно этот период в документах семинарии был уничтожен пожаром 1763 г. (Колосов В. И. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. С. 123).

тической семинарской традицией, в рамках которой создание стихотворных произведений на разные случаи уже стало частью учебного процесса[54].

Латинские семинарские учебники Тверской семинарии этого периода описаны В. И. Колосовым[55]; риторики и поэтики строятся по традиционной латинской модели, их источником были как киево-могилянские сборники, привезенные киевскими учителями при Митрофане Слотвинском, так и трактаты, использовавшиеся в Троицкой семинарии, куда для обучения с 1747 г. отправлялись лучшие ученики. Если считать, что сборник песен связан с Семеном Верещагиным, то объяснимым оказывается и состав сборника, в котором отражен интерес к одической литературе (а именно к похвальным и духовным одам М. В. Ломоносова), и знакомство с кантовой традицией Москвы и Троицкой семинарии (кантом «Гряди, желаннейшая мати» в 1762 г. приветствовали Екатерину II ученики Троицкой семинарии). Как показывают наши исследования, с середины века чтение современной литературы на русском языке активно проникает в семинарское преподавание поэтики и риторики, поэтому неудивительно и появление в таком сборнике песен А. П. Сумарокова[56]. Самостоятельная версификация также была обязательной практикой в семинарском преподавании: рукописные поэтики и риторики Тверской семинарии содержат целый ряд окказиональных стихотворений, связанных с внутрисеминарским миром (например, стихотворные приветствия Митрофану[57]). Следовательно, для учителя семинарии, тем более для учителя курса поэтики, умение создать поэтический текст было вполне возможным навыком. Пока открыт вопрос о сочинении мелодии

54 См. Kislova E. What, How, and Why the Orthodox Clergy Read in Eighteenth-Century Russia // Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia. Vol. 1. Milano: Ledizioni Ledi Publishing, 2020. P. 179-218.

55 Колосов В. И. Указ. соч. С. 74-104.

56 См. Kislova E. What, How, and Why the Orthodox Clergy Read in Eighteenth-Century Russia. P. 179-218.

57 Колосов В. И. Указ. соч. С. 86-87, 91-92.

к этой песне: была ли она сочинена автором слов, или текст был сочинен «на мелодию», то есть на известный набор музыкальных фраз? Пока мы не можем ответить на эти вопросы, хотя сами по себе они заставляют задуматься о том, что мы крайне мало знаем о музыкальной культуре этой среды.

Наиболее значимым аргументом в пользу авторства Верещагина оказывается сопоставление песни «Блажен ты, град Осташков славный» с двумя рукописными сборниками его проповедей[58]. Это проповеди, которые читались в Осташкове (преимущественно в Троицком соборе) в течение 1762-1785 гг., почти до самой смерти Верещагина. Оба тома являются конволютами, объединяющими рукописные проповеди, переписанные в разное время разными почерками (в описании сборника указано на то, что почерки писцовые, но, строго говоря, мы не можем утверждать, что среди разных тетрадей достоверно нет руки автора). Понимая, что скорописные почерки допускают широкую вариативность начертаний букв, как кажется, мы все-таки можем увидеть сходство между почерком, которым записана песня «Блажен ты, град Осташков славный», и почерком, которым записаны проповедь на слова «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут», произнесенная 18 октября 1775 г.[59], копии речи к Екатерине II от генерал-прокурора 10 июля 1775 г.[60] и «В день чудотворца Николая» 6 декабря 1775 г.[61]

58 ОР РГБ. Ф. 194. № 38.1, 38.2. Некоторые тексты из II тома — копии печатных речей и проповедей других авторов, видимо, скопированных для Семена Верещагина или им самим: это, например, «Речь преосвященнейшему Платону... сказыванная иеромонахом Евгением, что ныне Архиепископ Славенский и Херсонский, по рукоположении его во священство 1775 года августа 30 дня» (Л. 75-79 об.), его же «Принесение благодарения Великой Государыне... Екатерине», написанное на греческом и переведенное Лукой Сичкаревым (Л. 80-82), речь Екатерине, «читана генерал-прокурором 1775 года июля 10 дня в Москве в Грановитой палате» (Л. 83-90) и т. д.

59 ОР РГБ. Ф. 194. № 38.2. Л. 29-35 об.

60 Там же. Л. 83-90.

61 Там же. Л. 225-232.

Но наиболее значимыми оказываются лексические и тематические пересечения. Например, в II томе находится проповедь «Слово в неделю шестую всех святых» на слова «Прииде в свои град» (Матф. гл. 9. стих 1), произнесенная 26 июня 1771 г.[62], в которой основной темой становится объяснение достоинств, которые позволяют назвать город «градом Христовым». Рассуждая о том, что такое счастливый город, Семен Верещагин рассматривает в том числе качества его жителей (например, стыдливость, благоразумие, соблюдение правил и т. д.).

Жанр проповеди требовал рассуждения об абстрактном городе, поэтому в проповеди, в отличие от песни, нет никаких отсылок к реалиям Осташкова, однако очевидно, что само размышление о том, что такое счастливый город и каким должен быть настоящий город — образ Града Божия на земле, — в 1771 г. не могло не быть связано с размышлениями о том, каким городом должен стать Осташков. Отметим, что Верещагин упоминает церковное пение в ряду значимых признаков города: «Таким образом, скажите, прошу вас, что и нашему граду пользы будет, если он хвалится, что в нем расколников нет, что в нем живут все христиане, что в нем часто в церковь ходят, сладко и громко поют... а Христу делами не последуют...»[63].

Детальное сопоставление этих рукописей требует отдельного исследования; на данном этапе нельзя установить, что было написано раньше, песня или проповедь, однако тематические и текстологические пересечения между ними возникают на слишком узком временном отрезке, чтобы их можно было считать случайностью.

Еще одним аргументом в пользу авторства Верещагина может быть его в определенной степени чуждость Осташкову: будучи уроженцем Калязина, прожив довольно долго в Твери, он сразу получил высокий статус в местной церковной иерархии и должен был встраиваться в новый город и в новую среду, осмысляя

62 Там же. Л. 139-146.
63 ОР РГБ. Ф. 194. № 38.2. Л. 145 об. — 146.

ее как некое единство. Его «Речь приветственная, при вступлении моем в Осташковской собор 1762 году декабря дня» подчеркивает его собственную «новизну» для этого города: «Я хотя новои человек и мало прежде о состоянии сего града известен, однако зная, что вы православныя веры ревнители, и церкви восточныя истинные люди, а наипаче взирая на любовь к священному дому сему, могу ли усумнется о вашем достоинстве даннаго мира ученикам от Христа»[64]; «Почему я хуждшии от братьи моеи устроенныи божиим промыслом на служение в храме сем, пасти вас словесное стадо, кровию Христовою купленное, входяще в град ваш, и в сеи божественный дом радостно целую любовь вашу христовыми словами: мир дому сему»[65].

Отметим, что уже в 1762 г. Верещагин называет Осташков городом, с одной стороны, следуя богословской традиции, с другой — в определенной степени льстя его жителям. Но возможно ли, что он также отражает в своих проповедях те интенции, которые уже существовали у жителей Осташковской слободы? Могла ли инициатива Сиверса на самом деле исходить от самих жителей? Конечно, ответов здесь нет, но, как кажется, проповеди Семена Верещагина и песня «Блажен ты, град Осташков славный» содержат важную информацию об осмыслении жителями российской провинции своего статуса и его изменения при получении населенным пунктом статуса города.

Литература

1. Андреев А. Ю. Суворов Прохор Игнатьевич // Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Императорский Московский университет: 1755-1917: энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 703.

2. Артюхова Н. Произведения церковных искусств в собра-

64 Там же. Л. 71.

65 Там же. Л. 71 об. — 72.

нии Осташковского краеведческого музея. URL: https://seliger-news.ru/kultura/произведения-церковных-искусств-в-со/.

3. Галашевич А. А. Художественные памятники Селигерского края. М.: Искусство, 1983. URL: http://www.rusarch.ru/galashevich2.htm.

4. Кислова Е. И. «Молчите, каменные звуки»: оды Ломоносова в рукописных копиях второй половины XVIII века // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2013. Вып. 7. С. 114-136.

5. Колосов В. И. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. 464 с.

6. Колосов В. И. Празднование 150-летнего юбилея Тверской духовной семинарии 16 февраля 1889 года. Тверь, 1889. 93 с.

7. Колышко И. Очерки современной России. СПб., 1887. 530 с.

8. М. В. Ломоносов в книжной культуре России/сост. М. Е. Ермакова. М.: Пашков дом, 2010. 143 с.

9. Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 508 с.

10. Матисон А. В. Городское духовенство России XVIII в. (Историко-генеалогическое исследование по материалам Тверской епархии). Дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 385 с.

11. Матисон А. В. Православное духовенство русского города XVIII века. Генеалогия священно-церковнослужителей Твери. М.: Старая Басманная, 2009. 266 с.

12. Матисон А. В. Уровень «школьного» образования духовенства уездных городов России в XVIII в. (Ржев и Осташков) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской православной церкви. 2012. Вып. 3(46). С. 7-15.

13. Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века. Миф — идеология — риторика/пер. с нем. М. Н. Жаровой под ред. К. А. Богданова. М.: Языки славянской культуры, 2009. 215 с.

14. Покровский В. И. Историко-статистическое описание города Осташкова. Тверь, 1880. 151 с.

15. Рудченко В. М. Иконостасы XVIII — первой половины XIX в. в храмах верхневолжских областей // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки. М.: Наука, 1983. С. 199-211. URL: http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st010.shtml.

16. Сельванюк Р. К вопросу о рукописных источниках «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова // Ученые записки Костромского государственного педагогического института им. Н. А. Некрасова. Вып. 7. Кострома, 1960. С. 316-347.

17. Словарь Академии Российской. Часть 2. СПб., 1790. Часть 3. СПб., 1792.

18. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб.: Наука, 1997. Вып. 16. СПб.: Наука, 2006.

19. Сперанский М. Н. Описание рукописей Тверского музея. М.: Университетская типография, 1891. 107 с.

20. Токмаков И. Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. Сборник историко-статистических и археологических сведений. С 161 рисунками. М., 1906. 422 с.

21. Тюличев Д. В. Прижизненные издания литературных произведений и некоторых научных трудов М. В. Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. Л.: Наука, 1983. Сб. VII. С. 49-75.

22. Успенский В. П. Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии, как результат посильной разработки накопившегося за долгое время запаса сведений, большею частью из письменных документов разных местных архивов и малой частью по предмету местной истории: О прошлом города Осташкова Тверской губернии: Чит. в заседании Твер. учен. арх. комис., 15 апр. 1893 г. Тверь, 1893. 81 с.

23. Kislova E. What, How, and Why the Orthodox Clergy Read in Eighteenth-Century Russia // Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia. Vol. 1. Milano: Ledizioni Ledi Publishing, 2020. P. 179-218.

References

1. Andreev, A. Ju. (2010) “Suvorov Prohor Ignat'evich”, in Andreev A. Ju., Tsygankov D. A. Imperatorskiy Moskovskiy universitet: 1755-1917: entsiklopedicheskiy slovar' [Imperial Moscow University: 1755-1917: the Encyclopedic Dictionary]. Moscow: ROSPEN, p. 703.

2. Artjuhova, N. Proizvedenija tserkovnyh iskusstv v sobranii Ostashkovskogo kraevedcheskogo muzjeja [Works of Church Arts in the Collection of the Ostashkov Local History Museum]. URL: https://seliger-news.ru/kultura/произведения-церковных-искусств-в-со/.

3. Galashevich, A. A. (1983) Hudozhestvennye pamjatniki Seligerskogo kraya [Art Monuments of the Seliger Region]. Moscow: Iskusstvo. URL: http://www.rusarch.ru/galashevich2.htm.

4. Kislova, E. I. (2013) “‘Molchite, kamennye zvuki’: ody Lomonosova v rukopisnyh kopijah vtoroy poloviny XVIII veka” [“‘Be Silent, Stone Sounds’: Lomonosov's odes in handwritten copies of the second half of the 18th century”], Chtenija Otdela russkoy literatury XVIII veka [Proceedings of the 18th Century Russian Literature Department], 7, pp. 114-136.

5. Kolosov, V. I. (1889) Istorija Tverskoy duhovnoy seminarii [History of the Tver Ecclesiastical Seminary]. Tver'.

6. Kolosov, V. I. (1889) Prazdnovanie 150-letnego jubileja Tverskoy duhovnoy seminarii 16 fevralja 1889 goda [Celebration of the 150th Anniversary of the Tver Spiritual Seminary on February 16, 1889]. Tver'.

7. Kolyshko, I. Ocherki sovremennoy Rossii [Essays on Modern Russia]. Saint Petersburg, 1887.

8. M. V. Lomonosov v knizhnoy kul'ture Rossii/sost. M. E. Ermakova [M. V. Lomonosov in the Book Culture of Russia/comp. M. E. Ermakova] (2010) M.: Pashkov dom.

9. Marasinova, E. (2017) “Zakon” i “grazhdanin” v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka: ocherki istorii obschestvennogo soznanija [“Law” and “Citizen” in Russia in the Second Half of the Eighteenth Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Matison, A. V. (2015) Gorodskoe duhovenstvo Rossii XVIII v. [Istoriko-genealogicheskoe issledovanie po materialam Tverskoy eparhii]. Diss. ... dokt. ist. nauk. Ekaterinburg.

11. Matison, A. V. (2009) Pravoslavnoe duhovenstvo russkogo goroda XVIII veka. Genealogija svjaschenno-tserkovnosluzhiteley Tveri [Urban Clergy of Russia in the Eighteenth Century: Genealogy of the Holy Clergy of Tver]. Moscow: Staraya Basmannaya.

12. Matison, A. V. (2012) "Uroven' 'shkol'nogo' obrazovanija duhovenstva uezdnyh gorodov Rossii v XVIII v. (Rzhev i Ostashkov)" ["The Level of 'School' Education of the Clergy in District Towns of Russia in the Eighteenth Century"], Vestnik PSTGU. II: Istorija. Istorija Russkoy pravoslavnoy tserkvi [Bulletin of PSTGU. II: History. The History of the Russian Orthodox Church], 3 (46).

13. Nikolozi, R. (2009) Peterburgskiy panegirik XVIII veka. Mif — ideologija — ritorika [St. Petersburg Panegyric of the Eighteenth Century: Myth — Ideology Rhetoric]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.

14. Pokrovskij, V. I. (1880) Istoriko-statisticheskoe opisanie goroda Ostashkova [Historical and Statistical Description of the City of Ostashkov]. Tver'.

15. Rudchenko, V. M. (1983) "Ikonostasy XVIII — pervoy poloviny XIX v. v hramah verhnevolzhskih oblastey" ["Iconostases of the Eighteenth to Early Nineteenth Century in Churches of the Upper Volga Regions]", in Pamyatniki russkoy arhitektury i monumental'nogo iskusstva. Stil', atribucii, datirovki [Monuments of Russian Architecture and Monumental Art. Photographs, Attribution, Dating]. Moscow: Nauka. URL: http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st010.shtml.

16. Sel'vanjuk, R. (1960) "K voprosu o rukopisnyh istochnikah 'Sobranija raznyh pesen' M. D. Chulkova" ["On the Question of Manuscript Sources of 'Collection of Various Songs' by M. D. Chulkov"], Uchenye zapiski Kostromskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. N. A. Nekrasova [Scientific Notes of the N. A. Nekrasov Kostroma State Pedagogical Institute], 7, pp. 316-347.

17. Slovar' russkogo jazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian Language of the Eighteenth Century]. Chast' 9 [Part 9] (1997) Saint Petersburg: Nauka. Chast' 16 [Part 16] (2006). Saint Petersburg: Nauka.

18. Speranskij, M. N. (1891) Opisanie rukopisey Tverskogo muzeja [Description of Manuscripts from the Tver Museum]. Moscow.

19. Tokmakov, I. F. (1906) Gorod Ostashkov Tverskoy gubernii i ego uezd. Sbornik istoriko-statisticheskih i arheologicheskih svedenij. S 161 risunkami [The Town of Ostashkov in Tver Province and Its District. Collection of historical, statistical and archaeological research. With 161 drawings]. Moscow.

20. Tjulichev, D. V. (1983) "Prizhiznennye izdanija literaturnyh proizvedeniy i nekotoryh nauchnyh trudov M.V. Lomonosova" ["Lifetime Editions of Literary Works and Some Scientific Works by M.V. Lomonosov"], in Lomonosov. Sb. statey i materialov [Lomonosov. Collection of Articles and Materials]. Leningrad: Nauka, VII, pp. 49-75.

21. Uspenskij, V. P. (1893) Zapiska o proshlom goroda Ostashkova Tverskoy gubernii, kak rezul'tat posil'noy razrabotki nakopivshegosya za dolgoe vremya zapasa svedeniy, bol'sheyu chast'yu iz pis'mennyh dokumentov raznyh mestnyh arhivov i maloy chast'yu po predmetu mestnoy istorii: O proshlom goroda Ostashkova Tverskoy gubernii: Chit. v zasedanii Tver. uchen. arh. komis., 15 apr. 1893 g. [A note on the past of the city of Ostashkov, Tver province, as a result of a feasible development of the accumulated stock of information for a long time, mostly from written documents from various local archives and a small part on the subject of local history: About the past of the city of Ostashkov, Tver province: Read in the Tver meeting scientific architecture. The Commission, April 15]. Tver'.

22. Kislova, E. (2020) "What, How, and Why the Orthodox Clergy Read in Eighteenth-Century Russia", Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia. Vol. 1. Ledizioni Ledi Publishing, pp. 179-218.